

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ИЗ ЖИЗНИ

КСЮШИ БЕЛКИНОЙ

Вера Колочкова

Из жизни Ксюши Белкиной

«ЭКСМО»

Колочкова В. А.

Из жизни Ксюши Белкиной / В. А. Колочкова — «Эксмо»,

«Ксения Белкина, возможно, так и прожила бы до глубокой старости забитым, робким существом, вечно перед всеми в долгу, вечно чувствуя себя виноватой и всем обязанной. Но одна встреча, один взгляд, одно прикосновение изменили ее жизнь. Ксюша с удивлением и страхом обнаруживает в себе другую женщину, не серую пугливую мышку, а привлекательную, уверенную в своей неповторимости красавицу. И сразу же ее судьба делает крутой виток навстречу счастью...»

© Колочкова В. А.

© Эксмо

Содержание

Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Вера Колочкова

Из жизни Ксюши Белкиной

Глава I

– Ура! Наша бабушка вышла замуж! Наконец-то! Какое счастье, мамочка! У-р-р-а-а!

Да, счастье. Самое настоящее, нечаянным подарком на голову свалившееся. Наверное, оно, которое настоящее, так и приходит – неожиданно. Иначе бы и счастьем не было. А еще большее счастье – за ней, за Ольгой сейчас наблюдать. Прыгает себе долговязая юная непосредственность на панцирной сетке кровати, летят белокурые прядки вверх, словно крылья ангельские. Ах, красота неопишная...

«Господи, да неужели это я, разнесчастная Ксюша Белкина, такого ангела на свет произвела?» – трепетно ворохнулось внутри гордое, нежно-материнское, застряло слезным умилением в горле, – «Как же таки матушка-природа расщедрилась, обнесла неказистые гены ошибкою... Причем – здорово обнесла! Все, что есть в женской природе красивое, все от нечаянных щедрот Ольке досталось! И ноги от ушей, и тонкость-звонкость девичья, и личико бело-розовое, как у дорогой куклы...»

– Осторожнее, Олька! Убьешься же! И не прыгай на бабушкиной кровати – рассыплется! Тебе же теперь на ней спать...

– Ой, а давай не так, мамочка! Давай я на твоём диване спать буду, а ты – на бабушкиной кровати! А раскладушку мою выбросим, наконец! А то я не помещаюсь на ней давно – ноги свешиваются...

– Ну да, выбросим! Ты что! Сглазим еще...

Да уж, лучше не будить лихо, а подстраховаться с действиями. Пусть эта разнесчастная раскладушка за шкафом стоит... Да и Ольку надо было шугануть с бурными проявлениями радости – наверняка своими воплями успела всех соседей переполошить. Сейчас только выйди – вопросы начнутся...

А выходить все же придется. Куда деваться-то? Есть очень уж хочется, живот подвело! За целый день маковой росинки во рту не было. Надо вставать, надо идти на огромную коммунальную кухню, ставить на плиту кастрюлю с позавчерашним супом... Да и Ольку кормить надо – она ж ни за что сама себе не разогреет, обязательно будет ее с работы ждать, принцесса этакая, «белокурая мисс «коммуналка», как говорит сосед Витя, инвалид, прошедший всю свою сознательную жизнь в неудобном старом кресле с большими скрипучими колесами, ближайший ее, Ксюшин, друг и советчик.

Натянув на себя спортивные штаны и старую, застиранную до белесого цвета футболку, она вышла на кухню и громко, от порога, поздоровалась, вежливо улыбаясь всем и сразу. Так и есть, все в сборе... Даже семья Фархутдиновых в полном бабском составе присутствует! Мать, Галия Салимовна, важно восседает на табуретке в ярком, с красными розами на черном фоне фланелевом халате, руководит процессом, а четверо ее дочек-погодок, Асия, Рамзия, Камиля и Айгюль, суетятся вокруг стола, опять стряпают очередное необыкновенно-национальное блюдо. «Гарем Абдуллы», – ласково называет их Витя, – «Зарема, Джамия, Гюзель, Лейла, Гюльчатай...» Только где тот Абдулла теперь гуляет – никто и не знает толком! Галия Салдимовна таких разговоров не любит, пресекает их на корню. И Витина мать, Антонина Александровна, с уже влажными осоловелыми глазами стоит у плиты, изо всех сил стараясь держаться прямо, помешивает что-то в кастрюльке, улыбается блаженно. Надо же! Как говорится, еще не вечер, а она – уже! Успела бы хоть до готовности довести свое варево... И бабушка Васильевна тут же суетится, жарит свои вкуснющие оладушки для Лехи, сына своего

непутевого, забияки и драчуна – рецидивиста пожизненного, недавно вышедшего в очередной раз на свободу и устроившего по этому случаю пьяный недельный разгул. Пока Леха гулял, все они нос боялись высунуть из своих комнат: на цыпочках в туалет пробежали да на сухом пайке сидели. А что делать? Не в милицию же бежать! Во-первых, толку никакого, во-вторых, бабушку Васильевну жалко всем до смерти – любит она его, а в-третьих, они столько лет уже Леху знают! Вот закончится у него «помрачение», как бабушка Васильевна говорит, и будет он тише воды, ниже травы какое-то время, и просить прощения виновато будет, и в помощи какой-никакой не откажет... Вот кто из них, например, может Витину коляску с лестницы вниз во двор спустить, а потом и Витю туда на руках перенести? Да никто! А Леха – пожалуйста! Витя-то – человек верующий, ему в церковь попасть – проблема целая... Надо, кстати, свозить его туда в воскресенье – вроде не очень холодно на улице. Ловить быстрее момент, пока Леха в виноватых ходит. Хотя – стоп, не может она в воскресенье. Важное мероприятие назначено – забыла совсем...

Она молча прошла к своему холодильнику, достала кастрюлю с супом, поставила на огонь. Чувствуя за спиной любопытные взгляды, улыбнулась беззлобно. Это даже и хорошо, что все в сборе! Можно провести раз и навсегда одну общую пресс-конференцию. Только Вити и не хватает! Сидит, наверное, в комнате, в книжку уткнувшись. Одна радость у парня осталась – книжки читать, которые она же ему и приносит. Специально для него в библиотеку записалась – покупать-то их особо не на что... У него теперь даже и телевизора в комнате нет – продала его недавно Антонина Александровна, совсем за бесценок. Выпить ей не на что было...

– Ну что, Ксюш, как мать-то? – задала, наконец, волнующий всех вопрос Галия Салимовна. – Хорошего мужика себе нашла?

– Я не знаю, вроде как не знакомилась еще... – виновато улыбнулась Ксюша, развернувшись к ней от плиты. – Она нас с Ольгой в воскресенье туда на обед пригласила, вот и познакомимся...

– А говорят, он бывший военный какой-то! – повернулась к ней Антонина Александровна, слегка покачнувшись. – Генерал, поди, какой...

– Военный – это хорошо бы... – тихо подала голос бабушка Васильевна. – Военные – они все непьющие...

– Ой, да где вы нынче непьющих видели? Не смешите! Сейчас все пьющие! – хрипло рассмеялась ей в ответ Антонина Александровна. – Скажете тоже...

– Ну, будем думать, хоть на этот раз бабе повезет! Пристроится, наконец! – громко вынесла общее резюме Галия Салимовна. – Да и тебя, Ксюш, гонять перестанет да зло свое за Ольку срывать! Тоже мне, нашла виноватую! Шестнадцать лет прошло, а она никак успокоиться не может... Подумаешь, беда – девка в подоле принесла! В моем подоле вон четверо уже уместились, и ничего! Живу, сама себе радуюсь...

Она только и смогла – улыбнуться ей благодарно. И тут же отвернулась к плите, с увеличенным вниманием заглянула в кастрюлю с супом, чувствуя, как загорели стыдливым румянцем щеки. Как же, не виноватая она... Конечно, виноватая! Еще как – виноватая... Еще как! Принести в подоле внучку молодым родителям в шестнадцать лет, будучи ученицей девятого класса, это вам не каждая сможет... Да еще и сыграть при этом роковую роль последней капли, упавшей в чашу родительских распрей по поводу так и не сбывшихся многолетних мечтаний о собственной кооперативной квартире, на которую они копили с ее, Ксюшиного, рождения...

Громоздкого этого слова – кооператив – она боялась ужасно, и благоговела перед ним с того самого времени, как начала себя помнить. Оно было похоже на волшебного страшного зверя, или, того хуже, на Карабаса-Барабаса, который не позволял, помнится, ничего, никаких простых радостей, имеющихся с избытком у других детей. Как ей объясняли мама с папой – нельзя! Надо просто потерпеть! Вот купим кооператив – и все будет... Игрушки будут, кра-

сивые платица с оборочками, как у других девочек... И когда ходила в садик – надо было потерпеть, и в школу – тоже потерпеть... Она и терпела. Да все бы ничего, только стыдно было, ужасно иногда стыдно!

– Белкина, скажи своим родителям – пусть тебе новую форму срочно купят! Ты что, сама не чувствуешь, что давно из нее выросла? Стыд смотреть на такой откровенный стриптиз! – отведя на переменке в сторону, выговаривала ей Екатерина Львовна, классная руководительница, для которой какой-то начитанный умник придумал прозвище «Леди Макбет», и оно так и приклеилось к ней навечно, хотя никто толком и не знал, почему – Лескова-то в школе не проходят...

– Я скажу, конечно! Я попрошу маму... – лепетала Ксюша, оттягивая стыдливо вниз подол школьного платья, – извините меня, пожалуйста...

Вообще-то Екатерину Львовну она любила. И уроки литературы ее любила, и сочинения писала лучше всех в классе. Особенно по Пушкину... Только у доски отвечала плохо – стеснялась. Будто ступор на нее напал – язык немел, во рту пересыхало, мысли испуганно шарахались из головы в разные стороны, руки в одну минуту становились по-лягушачьи мокрыми, дрожь начинали. Благо, что и не вызывала ее практически Леди Макбет к доске – жалела, наверное. Потом, когда ее из школы с позором за беременность выгоняли, плакала даже, говорила, чтоб она обязательно в вечернюю школу пошла – способности у нее якобы исключительно-замечательные, и память цепкая... Да куда там – жизнь по-своему ею распорядилась, несмотря на способности с цепкой памятью, вместе взятые.

– Ты ведь поэтому и стесняешься, и чувствуешь себя скованно, Ксюш! Жалко же, головка-то у тебя светлая! Неужели твоя мама этого не понимает?! – все жужжала и жужжала ей в ухо на переменке Леди Макбет.

Ну как, как она могла ей объяснить про этот проклятый кооператив?! Про то, как он посредством родителей забрал у нее практически все – игрушки, наряды, детство с юностью, и ничего, кроме робких мечтаний о будущем, не оставил? «Вот купим квартиру, и оденем тебя, как куколку... Вот накопим денег на кооператив – и поедем сразу всей семьей на море... Вот накопим... Вот купим...» – и так до бесконечности! Одержимые мыслью выбраться из коммунальной вороньей слободки родители сэкономили на всем, доводя порой эту экономию до абсурда: заранее планировали и минимизировали до самого что ни на есть критического состояния свои расходы, стараясь как можно больше отложить от скромных зарплат рядового инженера и приемщицы химчистки, готовили «вкусные и очень дешевые» блюда, в основном из круп, макарон да морковки с капустой, перелицовывали одежду и убеждали себя и всех, что она выглядит при этом «ну совершенно, совершенно как новая!» Они потом и сами не заметили, как постепенно увлеклись процессом – начали экономить шизофренически, с жестокой и страстной выдумкой... Словосочетание «обмануть и не купить» стало в их семье обиходным, то есть синонимом житейского ума, хитрости и ловкости, и даже некоторого довольства собой.

«Дочь, да ты в этой форме еще один школьный год обманешь!» – радостно восклицала мама в преддверии первого сентября, когда все дети и родители стройными рядами шествовали на школьные базары и покупали все новенькое, с иголки. – «И на колготках я тебя научу петли поднимать, и из сапог можно стельки вытащить – они на размер больше станут! Глядишь, еще одну зиму в них обманешь!»

Вот пойдешь им после этого да и расскажи, как Леди Макбет на них ругается...

И все же – не случилось мечты, кооператив родители так и не купили. А что делать? Говорят, знал бы, где упадешь – соломки бы подстелил... Наступил тот самый девяносто первый год, в стране победила демократия, и все пошло кувыркком! Отец с отчаяния уволился из своего НИИ и подался в челноки, пытаясь хоть как-то спасти положение, да где там... Только хуже все вышло – охмурила его быстренько новоявленная партнерша по бизнесу Валентина с готовым кооперативом, в котором как раз только хорошего непьющего мужика и не хватало!

Уходить он, однако, еще полгода не решался – на две семьи жил. И в этот-то самый роковой для семьи момент и случилось с Ксюшей то, что случилось...

Ее взяли да позвали на вечеринку! Никогда никто не звал, а тут вдруг соседка по парте – Наташка Николаева – повернулась к ней и говорит: «Приходи, Белкина, сегодня ко мне на день рождения! Я весь класс позвала – и ты давай приходи, чего уж там...» Ну, она и заявила туда, конечно, напялив свой единственный выходной наряд – черную трикотажную юбку, короткую совсем, да белую синтетическую кофточку с дырчатыми кружевами. Отцу спасибо – на рынке по дешевке у китайцев купил, а то бы и этого не было! А может, лучше бы и не было... Может, она б тогда и не решилась пойти на этот Наташкин день рождения?

Да разве в тот момент она об этом думала? Летела туда чуть не на крыльях – надо же, и ее, наконец, своей признали... А уж когда Денис Караваев танцевать вдруг пригласил, она совсем от счастья обалдела! Ничего не видела, не чувствовала ни сильного, идущего от своего кавалера запаха спиртного, ни жаркого сопения в ухо, ни потных его ладоней... Сам, сам Денис Караваев пошел провожать ее домой! Еще и на виду у всех! Да из чувства благодарности за это можно же все стерпеть – и неудобную скамейку в парке, больно врезающуюся неровными досками в спину, и мгновенную острую боль, пронзившую все тело... Да ладно, она потерпит, подумаешь... Он же сам, сам пошел ее провожать! Ее, всегда плохо одетую, презираемую всеми незаметную серую мышку... Как же она могла сказать ему «нет»? Он еще и после этого Наташкиного дня рождения звал ее прогуляться по парку, и опять она не могла ему отказать! Даже в голову такое не приходило – лишь бы он был доволен, а она уж как-нибудь потерпит...

А через месяц он вообще перестал смотреть в ее сторону – как будто и не было ее совсем. Что ж, так, наверное, и должно быть! Кто она такая? Подумаешь, Ксюша Белкина... А о своей беременности она и не знала ничего! Догадалась только, когда Олька уже понемножку шевелиться в ней начала. И живот вырос как-то сразу, резко и вдруг, подтвердив ее ужасное предположение, от которого она отчаянно бежала, гнала изо всех сил от себя пугающие скользкие мысли, тряслась от страха, лежа на своей раскладушке за шкафом и слушая слезно-надрывные причитания матери по поводу «бессовестной Вальки», адресованные угрюмо молчащему, уткнувшемуся в экран телевизора отцу.

Первым ее выпирающий живот разглядел на уроке физкультурник, о чем и доложил осторожно на ушко Леди Макбет. Та сама отвела Ксюшу за руку к врачу, сама же и родителям потом сказала... Разговаривать ей, правда, пришлось уже с одной матерью, потому как в тот роковой день отец все же решился переселиться к своей «бессовестной Вальке» окончательно – с утра собрал вещи, оставил короткую лаконичную записку на столе и, сердечно попрощавшись с соседями, ушел безоговорочно и навсегда, будто кусок ненужной жизни от себя отрезал. Мать сидела напротив пришедшей вместе с Ксюшей из школы Екатерины Львовны и, держа отцовскую записку в руках, растерянно лупила глаза на учительницу, не понимая, чего от нее хочет в такой момент эта женщина – тут муж ушел, а она что-то там про дочь талдычит... Какая беременность? У кого беременность? Бред какой-то... Когда же до нее дошел, наконец, смысл содеянного Ксюшей преступления, она всплеснула руками и даже с некоторым облегчением произнесла:

– Ну вот! А он, видите ли, уйти решил! Нет уж, как миленький вернется! Тут с ребенком горе такое... Завтра же к нему на рынок поеду! Он ведь и не знает ничего! Ой, горе какое!

Екатерина Львовна молча прочла вложенную ей в руки матерью записку, пожала плечами растерянно. Потом снова заговорила, четко разделяя слова:

– Зинаида Алексеевна, вы понимаете всю серьезность происходящего с вашей дочерью? Она родит через три месяца! Мне бы хотелось знать, что с ней будет дальше! Школу, естественно, она пока посещать не может! Ее исключат, конечно! Но я поговорю с директором, может быть, потом, через год...

– Нет, он, видите ли, ушел! Ему на ребенка наплевать! Я что, одна должна решать все проблемы? Вот скажите мне, это справедливо?! Не-е-т, голубчик, я завтра же тебе все скажу! Вернешься, как миленький...

Екатерина Львовна вздохнула грустно, тронула за плечо сидящую рядом с ней полумертвую от страха вялую Ксюшу, тихо произнесла ей в ухо:

– Возьми себя в руки, девочка! Смотреть на тебя больно! Не раскисай и не бойся – нельзя! Потому как у тебя теперь первая задача – обязательно здорового ребенка родить. А иначе в твоей ситуации ну никак нельзя! Сосредоточься пока на этом! Сама себе помоги, раз больше некому. Другого-то выхода нет... А с родителями Караваева я поговорю – пусть они материально помогут, хоть на первых порах... Хотя это вряд ли... Ну ладно, пошла я, – медленно поднялась она со стула. – Документы я завтра тебе занесу... И не забудь – через неделю у тебя прием в женской консультации...

Отца случившееся с Ксюшей, вопреки ожиданиям матери, никак не тронуло.

– Ваши проблемы, бабские! Я-то тут при чем? – стоя по другую сторону рыночного прилавка рядом со своей краснощекой подругой, равнодушно говорил он. – Алименты буду платить – по мере возможности, конечно... Хотя и не обязан! Я ведь безработным числюсь, у нас на рынке отдела кадров не имеется... И вообще – сама виновата! Так воспитала, значит, раз она первому встречному дала...

Оставшиеся три месяца до родов Ксюша просидела безвылазно за своим шкафом, слушая жалобные проклятия матери, адресованные и отцу, и ей, и вообще всей своей жизни, так жестоко и несправедливо с ней обошедшейся... Очень хотелось Ксюше умереть, да как? Олька вовсю дрыгалась в животе, не давая покоя ни днем, ни ночью, словно предупреждала – только попробуй...

Так и стали они жить втроем в своей комнате – мама, Ксюша да Олька. А в школу она не вернулась – работать пошла. Хотела в вечернюю определиться, да не с кем было Ольку оставлять. Не с мамой же, в самом деле! Она и так перед ней кругом виновата, еще и ребенка подкинет! Хорошо, хоть бабушка Ксения, отцовская мать, правнучку свою взяла да и признала, на удивление всем! Столько лет знать не хотела ни маму, «лимиту сволочную», ни Ксюшу... И на отца долго обижалась, что он на маме женился, несмотря на ее, бабушкино, страстное сопротивление – никто ее тогда переубедить не мог! Мама ведь молодой в город из богом забытого поселка приехала, на швейной фабрике работала – там общежитие таким, как она, давали. А потом отца встретила, «вцепилась в него мертвой хваткой», как бабушка говорила. И жить вместе с ней не согласилась ни при каких условиях, и пришлось ей со скандалами да проклятиями в адрес «сволочной лимиты» разменять свою двухкомнатную квартиру на однокомнатную да на вот эту «воронью слободку». Отец пытался жену и мать помирить, даже ее, Ксюшу, когда родилась, в честь бабушки назвал – да где там... А Ольку бабушка взяла да и признала! Мало того – сидеть с ней согласилась, чтоб Ксюша на работу смогла пойти да прокормиться как-то...

А с работой Леди Макбет помогла. Встретила Ксюшу на улице – вместе с полугодовой Олькой она как раз из магазина шла. В одной руке сумка с продуктами, в другой ребенка держит из последних сил – Олька-то здоровенькой да крепенькой росла, в весе хорошо прибавляла! Спросила: Почему без коляски гуляешь, уронить ведь можешь девочку!» А Ксюша ей в ответ: «Какая коляска, что вы, Екатерина Львовна, купить ведь не на что!...» Вот вскоре после этого учительница и устроила ее на работу в продуктовый магазинчик – там ее сестра, Дарья Львовна, директором работала. И спасибо ей за это огромное! Кто ж возьмет просто так на работу малолетку, да еще с ребенком на руках? Правда, попросила при этом – не подведи меня, мол, Ксюша, старайся... Она и старалась изо всех сил! Самую черную работу делала, и все скоренько, и все бегом, и угождала всем, как могла – лишь бы ей только довольны были! Вот уже пятнадцать лет она там и работает – и все так же волчком безропотным крутится, и ни

разу в отпуск не попросилась, и не опоздала ни разу, хоть и живет на другом конце города. А как же? Ведь так помогли ей тогда! А что ездить далеко на работу приходится, так это и очень хорошо даже! Целых три часа в день можно Пушкина читать! Полтора часа – туда, полтора часа – обратно... Красота!

И бабушка Ксения ей, конечно, с Олькой хорошо помогла. И любила правнучку сильно, и баловала сверх меры. А саму Ксюшу не очень жаловала. По утрам откроет ей дверь, заберет Ольку и, не глядя на Ксюшу, цедит сквозь зубы: «Вечером не опаздывай... И продукты вот мне купи по списку... И смотри, что покупаешь – вчера говядину старую принесла – прожевать невозможно...» А как она ее определит, эту говядину, молодая она или старая? У нее ж опыта нет – где она раньше ту говядину видела? Мама с папой котлеты только из потрохов пополам с «геркулесом» стряпали... Почти вся ее зарплата уходила на эти бабушкины продуктовые списки! Мама ругалась все время... И все равно она бабушке благодарна! А как же? Она ж Ольку и признала, и полюбила!

А с пяти лет Ольку пришлось в садик устраивать. Бабушка умерла скоропостижно, легла спать и не проснулась – с сердцем что-то... Мама тогда даже на похороны не пошла – рассердилась, что бабушка свою квартиру Ксюше не отписала. Странно даже... Чего это ради? Кто она такая? Да никто! Ксюша Белкина, мать-одиночка со средним незаконченным, младший продавец из продуктового магазинчика...

А Олька у нее красавицей выросла! И с характером таким требовательным – не приведи бог! Сказалось таки бабушкино баловство... Все время с мамой ругается! Уж как ее Ксюша уговаривает – молчи, мол, Олька... Все время собачатся! Слушать порой страшно...

– Чего ты терпишь все время, мам? Она же унижает тебя на каждом шагу, ноги об тебя вытирает! Зло свое срывает постоянно – а ты терпишь!

– Ольк, ну ведь я и в самом деле перед ней виновата...

– Да в чем?! Подумаешь – ребенка без отца родила! Чего здесь такого-то? Да сейчас все без мужиков рожают! Ты на себя посмотри – на кого ты похожа стала?! У тебя морщин – больше чем у бабушки! И вид такой, будто на тебя только что замахнулись... Прямо смотреть невозможно! И почему деньги ей отдаешь все до копейки? Она меньше в два раза зарабатывает, а героиню из себя корчит! Ты ей отдаешь – она на себя и тратит в свое удовольствие! А сама в чем ходишь, посмотри! Стыд какой... Да такие пуховики теперь только самые последние лохушки носят! Пусть бы попробовала мне такой купить!

Ольку мама и в самом деле слегка побаивалась и безропотно выдавала ей на наряды требуемые суммы, в пределах имеющегося, конечно. Зарплата-то у Ксюши была небольшая... А хотела Олька всегда много! Чтоб поярче да покороче, и чтоб в глаза сразу бросалось! И красоту свою сильно уважала. Могла часами сидеть перед зеркалом, рассматривая свое молочно-розовое лицо, расчесывая белокурые длинные волосы. И откуда что взялось? От отца, наверное. Денис Караваев фактурный был мальчик, красивый... Только вот умишком ее особо природа не наградила – как и всякую блондинку, наверное. Училась Олька из рук вон плохо. Как ни билась с ней Ксюша, как ни сидела над книжками целыми вечерами... Никаким, даже чуть малым отблеском интеллекта Олькино бело-розовое личико было не обезображено, голубые кукольные глазки смотрели на мир открыто и дружелюбно, с восторгом и любопытством пивно-жвачно-тусующейся юности. Могла Олька и схамить походя, и заорать грубо, выражая свои эмоции, а иногда и сыпануть ядреным словом! И соседей любопытных тоже не шибко жаловала. «А чего, – говорила, – не во дворце живем, а в коммуналке, богом забытой, зачем принцессу-то из себя изображать?»

– Ксюш, а знакомиться с Зинкиным мужиком одна поедешь, иль вместе с Олькой? – вернула ее из мгновенно пролетевшего перед глазами прошлого Галия Салимовна. – Я б на твоём месте поостереглась ее пока с собой брать – брякнет еще там чего-нибудь, перепугает мужика...

– Да Зинка сама кого хошь перепугает! – тихо отозвалась от плиты бабушка Васильевна. – Такая нервная стала в последнее время, просто ужас какой! Прямо как Леха мой... Вчера ей рецепт новый котлет из мойвы предложить хотела, так она на меня как заорет! Надоели, говорит, ваши нищенские выдумки! Не хочу, говорит, больше вашу пищу плебейскую жрать! Вот прямо так и сказала – пищу плебейскую... Представляете?

– Да ладно, она всегда такая была! – чуть заплетаясь языком, откликнулась от своего стола Антонина Александровна. – Вечно злая ходила, на жизнь свою всем жаловалась... А какая такая у нее жизнь, скажите? Вот у меня сын инвалид, работать не может, и пенсия у него совсем крохотная... Я ведь не жалуясь! А у нее вон Ксюшка сама с шестнадцати лет зарабатывала, все ей отдавала – даже и не пикнула никогда! А ей все мало! Послушаешь – прямо героиня! Дочери да внучке всю жизнь посвятила! Уж мы-то с вами знаем, что и кому она посвятила – только и делала, что женихов себе по газеткам выискивала! И Ксюшку пилила все время – будто опозорила она ее, да на шее зазря сидит... Сама-то не шибко уработалась! Нет чтоб девчонке пальтишко новое справить иль сапожки теплые купить! В одних джинсах да кроссовках всю зиму ходит... – и, повернувшись к Ксюше, добавила: – А ты-то чего молчишь, разнесчастная? Нельзя же так, ей богу!

– Да ладно, Антонина Александровна! Вы маму не ругайте – ей и в самом деле досталось! – с привычным смирением откликнулась Ксюша. – И отец ее бросил, и я тогда сразу Ольку родила...

– Ну да ничего, Ксюш! – взмахнув в ее сторону полной рукой, громко произнесла Асия Салимовна. – Все, что ни делается, все к лучшему! Как говорится – баба с возу... Может, и правда ей повезет – устроит свою жизнь, наконец... И вы полегче с Олькой заживете! Никто тебя хоть пилить не будет каждый день... А что за рецепт такой ты упоминала, Васильевна? Про мойву? Расскажи...

– А слушайте! – оживилась бабушка Васильевна, завладев общим вниманием. – Сейчас расскажу! И дешево совсем получается, и вкусно, главное! Надо только мойву пожирнее выбрать...

«Слава богу, отстали!» – облегченно вздохнула Ксюша. – «Пресс-конференцию на сегодня можно считать законченной...» Подхватив за ручки кастрюлю с супом, осторожно понесла ее в комнату. Олька, как обычно, проводила время у зеркала, задумчиво рассматривала свои ноги в новых колготках и громко жевала неизменную жвачку, лениво работая челюстями.

– Давай ужинать будем, Оль! Хватит у зеркала маячить! Не знаешь уже, куда и пристроить свою красоту неземную...

– Да ладно, мам... Ты лучше скажи – в чем ты в гости пойдешь в воскресенье? – Олька озабоченно посмотрела на мать. – У тебя же ничего приличного нет, а мое тебе по росту не подходит... Да и пуховик твой позорный стыдно показывать...

– А чего нам красоваться-то? – весело фыркнула Ксюша. – Не мы же с тобой замуж вышли! Какие есть, такие и есть!

– Да-а-а, добилась таки своего наша бабушка! Прямо как одержимая какая! Интересно даже посмотреть, кого она там себе откопала...

Мать действительно шла к своей цели как одержимая, здесь Олька была права! После ухода отца побегала к ним с Валентиной на рынок и, вдоволь там наскандалившись, поняла, что мужа потеряла безвозвратно и что борьбу за возможность пожить в отдельной квартире ей придется теперь вести самостоятельно. И поскольку в борьбе за достойную жизнь все средства хороши, она выбрала себе самое, как ей казалось, доступное – начала подыскивать мужа с готовой жилплощадью. А чем она хуже? Отец же нашел себе жену с квартирой, и она себе найдет! Только оказалось, что все не так просто на этом рынке женихов с квартирами, как ей думалось вначале... Женихов как таковых, конечно, находилось достаточно – не страшненькой уроди-

лась, слава тебе господи, да и кое-каким манерам в городе успела выучиться! Только все они норовили сами, как и она, к чужому добру пристроиться. Уж сколько она этих газет с объявлениями перечитала, выискивая в них то самое желанное «ж.о.», что означало «жилем обеспечен» – только она знает! Через сколько обманов да разочарований прошла! И вот, кажется, повезло, наконец...

– Так все-таки, мам, чего наденешь-то? – снова задала животрепещущий вопрос Олька.

– Отстань! – отмахнулась устало Ксюша. – До воскресенья далеко еще – чего-нибудь придумаю...

А чего она могла придумать? Денег-то на покупки у нее отродясь не бывало! Да и вообще... Хотелось ли ей и в самом деле купить себе что-нибудь новое и красивое? Она и сама бы себе на этот вопрос не ответила. Наверное, хотелось. А может, и нет... Все желания за последние годы атрофировались в ней окончательно, скукожились и затянулись пыльной паутиной. Она видела, конечно, как одеваются другие женщины, всегда замечала что-то новое и модное на девочках из магазина, только к себе это никак не прикладывала. Не получалось проецировать почему-то. Загуляли где-то в пространстве все положенные для восприятия окружающего мира проекции! Правда, если честно признаться, была у нее одна невинная игра... Только никому и никогда в жизни она не посмела бы рассказать об этом! Вот бы засмеяли, правда! А заключалась эта игра в том, что, видя вдруг идущую ей навстречу по улице какую-нибудь худенькую девушку в короткой норковой шубке и сапожках на высоком каблучке, она зажмуривала глаза, делала глубокий вдох и – тут же видела себя в этой самой шубке и сапожках! Это у нее на спине нежно переливается тонкий перламутровый мех, это на ее тоненьких ножках каблучки модельных сапожек нежно и хрупко цокают по стылому асфальту... И так захватывало дух – аж дышать трудно! Порой она подолгу шла след в след за этой красотой, будто вплывала в волну марсианского, фантастического какого-то состояния. Нет, такая шубка не была ее мечтой – разве она посмеет... Это было всего лишь наваждением, игрой воображения, маленькой такой фантазией... Она – и в короткой норковой шубке! Она – и в сапожках на тонком каблучке, по асфальту – цок-цок! – перебирает тоненькими ножками...

– Мам, а как без бабушки хорошо, правда? – громко втянув в себя с ложки горячий бульон и причмокнув, обратилась к ней Олька. – Никто над ухом не ноет о загубленной жизни, никто куском хлеба не попрекает... Красота!

– Ольк, ну когда ты научишься есть нормально? Некрасиво же...

– Да ладно! Горячо ведь! И вообще – как умею, так и ем! Не приставай!

– Ты уроки сделала?

– Ой, мам, ну какая ж ты зануда! Какие уроки? Знаешь, как меня тошнит от этих учебников? Все эти функции да интегралы с теоремами – хренотень отстойная! И без них мне мою тройку поставят, подумаешь... А физик – тот вообще четверку обещал за четверть! Представляешь? Запал на меня окончательно...

– Оля! Не пугай меня! Он что – пристаёт к тебе, что ли?

– Да на фига он мне сдался, нищета очкастая! И даром не нужен!

– А кто нужен?

– Крутой, богатый, с тачкой, и чтоб женился...

– Мечтай, мечтай... – Ксюша невольно улыбнулась, глядя на смеющуюся дочь. – Где ты такого себе найдешь? На улице, что ли? Ты ж бутылку пива из руки не выпускаешь, и куришь, и жвачкой чавкаешь... А вид у тебя какой? Все юбки по самое ничего, колготки эти в сеточку... Это вульгарно, Оля! Такая красивая девочка – и все впечатление о себе портишь!

– Ну, завелась! Еще себя в пример приведи! Можно подумать, от твоей мышинной серости да правильности сплошное впечатление получается! Только и знаешь, что в книжку уткнуться да стихи про себя талдычить! Кому это надо-то? Ноги об тебя вытирают все, кому не лень –

вот и все твое впечатление! А я так не хочу! И жить здесь не буду! Вот увидишь – все равно найду богатого мужика, еще и тебя к себе жить заберу!

– Спасибо на добром слове, доченька... – Ксюша оторвала взгляд от стола. – Может, посуду помоешь? Устала я – ноги не держат...

– Ой, ну ма-а-а... Они ж меня на кухне опять воспитывать хором начнут, ты ж знаешь! А потом ты же сама извиняться побежишь за мое хамство... Оно тебе надо?!

– Ладно, сама помою... А ты садись за уроки! Нечего опять к зеркалу пристраиваться!

– Да ладно... – отмахнулась Ольга, выкручивая помаду из тюбика, – посмотри лучше, какую я себе мазилку классную купила! Цвет – просто отпадный!

Тяжело вздохнув, Ксюша вышла в плохо освещенный коридор коммуналки и медленно побрела в сторону кухни, неся перед собой грязную посуду.

– Ксюш... – тихо прошелестел из-за приоткрытой двери Витин голос. – Зайди-ка на минутку...

От скрипа старой инвалидной коляски опять екнуло сердце, будто вздрогнуло жалостью к этому парню, единственному ее наставнику и помощнику, опоре и поддержке... Хотя опорой Витю никак нельзя назвать – кощунственно даже и звучит-то! Какая из него опора? Вон руки совсем ослабли – сил нет даже колеса у коляски крутить. Сохнет на глазах человек, и ничегошеньки с этим не поделаешь! Тело умирает, а голова ясной и умной остается, да еще какой умной! Она иногда часами его слушает, открыв рот. Про что ни спроси – все знает! И так все умеет разложить по полочкам, что кажется, и в самом деле дальше жить хочется, не смотря ни на что...

– Ксюш, помоги мать на кровать перетащить, а? – тихо попросил Витя. – А то она не дошла – видишь, у окна свалилась? А там дует сильно – простынет еще!

– Да, конечно, Вить... Сейчас, только посуду отнесу!

Мать Витина, Антонина Александровна, являла собой пример классического женского алкоголизма, тихого и безысходного. Пила она с молодости, с тех самых пор, как выписала ее сюда из деревни пожилая тетка, бывшая хозяйка этой большой комнаты, чтоб, как она говорила, «скрасить старость» и осчастливить племянницу городской пропискою – не пропадать же добру, в самом деле! Тетка же и устроила ее на работу на ликеро-водочный завод, на линию розлива... Правда, администрация завода – надо отдать ей должное – с пьянством на предприятии нещадно боролась! Однако боролась странными, одной администрации понятными способами, позволяющими принимать в себя алкогольную продукцию только на своей территории – хоть залейся! А на вынос – ни-ни! Вот и старались все впихнуть в себя халявного побольше! И привыкали, и спивались... А как иначе? Это ж вам не конфетная фабрика, где по тем же правилам можно есть шоколада, сколько влезет! Только сладкого-то много не съешь: два-три дня – и тошнит уже... Тетка умерла через несколько лет, Антонина Александровна тихо жила себе одна, пока не пришло вдруг ей в голову родить себе ребеночка – тоже захотелось «скрасить старость», наверное... Вопреки всем прогнозам, Витя родился здоровым и крепеньким – Галия Салимовна рассказывала, она свою старшую, Асию, в одном роддоме с ней рожала. Только не повезло Вите – уронила его Антонина Александровна в трехмесячном возрасте по пьяному делу, причем сильно уронила, на копчик, да еще и к врачу сразу не обратилась – испугалась чего-то... Так и не удалось Вите встать на свои ножки – всю свою сознательную жизнь провел в инвалидном кресле. А к тридцати годам еще и сохнуть начал. Так и живет – согнутой пополам злым ветром тростиночкой, только глаза живыми и остаются – большие, умные, теплые, всепрощающие... И все его любили и жалели... И Антонина Александровна тоже любила и жалела, только по-своему, через алкогольный туман. И вину свою чувствовала. Нельзя, говорила, мне трезветь ни на минуту – от горя сразу помру... И деньги все заработанные до копейки Вите старалась отдавать – пропить боялась! По утрам тихой мышкой встает – и бегом на работу. А они, соседи, все Вите помогали! И в магазин сходить, и пол помыть, и постирать,

когда мать совсем уж не в состоянии – это всегда пожалуйста! Ну, разве что кроме Ксюшиной мамы... Она всегда себя особняком ставила, поверх голов смотрела – не место ей здесь, и все тут! Решила выбраться из «вонючей труппы» – и добилась-таки своего! А интересно все ж посмотреть на этого ее нового мужа, или как его там еще называют... Сожителя... Хоть бы все у нее получилось, Господи! Уж они бы с Олькой и правда зажили в свое удовольствие!

Поставив посуду в раковину, она быстро вернулась в Витину комнату и, напрягаясь из последних сил, перетащила неподвижное тело Антонины Александровны на кровать, заботливо прикрыла старым байковым одеялом.

– Ксюш, а в церковь в это воскресенье меня свозишь? – тихо спросил Витя извиняющимся голосом. – Леха вроде тихий пока ходит, и меня с коляской вниз спустит...

– Ой, Вить, а ведь не могу я в воскресенье! – спохватилась Ксюша. – Мама велела нам с Олькой в гости приходить, с ее мужем знакомиться. И даже время назначила! А с ней спорить – сам знаешь, как... Давай в следующее воскресенье, ладно? Или хочешь, я кого-нибудь из девчонок Фархутдиновых попрошу? Хотя они ж не пойдут – они в мечеть ходят... А Васильевна старенькая уже, ей тебя не довезти...

– Да ничего страшного, Ксюш! – успокоил ее Витя. – В следующее, так в следующее! Чего ты огорчаешься так? Не волнуйся! Иди лучше спать ложись, устала, наверное! Вон под глазами синяки какие, будто били тебя. В библиотеку завтра заскочишь? Надо книги поменять, я тут список тебе составил...

– Обязательно заскочу, Вить! Давай свой список и книги тоже, – обрадовалась Ксюша возможности хоть чем-то помочь соседу. – Надо у порога положить, а то выбегу утром и забуду, как в прошлый раз...

Ксюша сложила в большой пакет книги, пристроила туда же тетрадный листочек с Витиными безобразными каракулями, виновато обернулась от двери.

– Пока...

– Пока, Ксюш! И спать ложись пораньше! И не переживай, прошу тебя! – бодро откликнулся Витя.

* * *

– Олька, давай договоримся с тобой – обойдемся без ярких эмоциональных выражений и жвачки, ладно? Потерпишь пару часиков? – увещевала Ксюша дочь, идя с ней в воскресенье по незнакомой улице и глядя в номера домов. – Вот, смотри, это сорок второй номер, а нам нужен сорок пятый... Значит, надо переходить на нечетную сторону...

И тут же – то ли провалилась в пропасть, то ли взлетела в небо – она и сама бы не смогла опять определить своего состояния: прямо на нее шла красота неопишуемая в короткой норковой шубке цвета темного ореха, в длинных замшевых сапожках со стразами на тоненьких ножках – цок-цок по асфальту... И опять то же наваждение – боже, это ж я иду... Она сильно встряхнула головой, чтоб отогнать от себя этот нечаянный обморок, и даже ругнула себя тихонько: заигралась уже, матушка...

– Мам, ты чего? Встала, как вкопанная... Вон переход, пошли давай! – вернула ее в реальность нетерпеливая Олька.

– Да-да, идем быстрее, опаздываем...

Дверь им открыла мать – раскрасневшаяся, улыбающаяся, в кокетливом голубом халатике с оборочками. В уютной прихожей расплывался накапывающий из кухни плотными густыми волнами умопомрачительный запах жарящейся с чесноком курицы, из комнаты громко доносился взвинченный до предела голос футбольного комментатора.

– Раздевайтесь и проходите, Иван Ильич как раз свой футбол по телевизору досматривает... – подтолкнула она их, враз оробевших, к большим красивым дверям с цветными стеклышками. – Идите, знакомьтесь, он сам мне велел вас пригласить!

Олька первой нерешительно потянула за круглую медную ручку, приоткрыла дверь и, просунув в образовавшуюся щель голову, скромно произнесла:

– Здравсти...

– О-о-о, вы уже здесь, красавицы! А я ни слышу ничего! – поднялся из красивого полозатого кресла навстречу им плотный лысый мужчина в спортивном костюме. – Давайте знакомиться! Меня Иваном Ильичом зовут... А ты, наверное, Ксюша? – обратился он к вконец смутившейся под взглядом его неожиданно ярких синих глаз Ксюше.

– Да... А это дочка моя – Оля... – тихо проговорила она, слегка поведя в Олькину сторону головой и одергивая непривычно короткую кофточку, которую Олька чуть не силой утром натянула на нее и в которой сама, будучи намного выше матери ростом, ходила «голопупой», строго следуя веяниям моды.

– Очень, очень приятно! – расплылся в улыбке Иван Ильич. – Зиночка! Какие у тебя хорошие девочки! – крикнул он в сторону кухни, подходя к дверям комнаты. – Прямо обе девочки – припевочки!

Он подошел совсем близко, ласково приобнял их за талию, и прижал на секунду к своему плотному телу. Заглянув сверху в Ксюшино лицо, обдал хитрющей и живой синевою смеющихся глаз. И ведь всего лишь чуть-чуть полежала эта большая теплая рука на худых ее ребрах, а она взяла и поплыла... Сроду с ней такого не случалось! Как будто проглотило тепло все ее внутренности, и тепло это засопровтивлялось, не желая выходить обратно, – осталось там, внутри, щекоча и непонятно тревожа. Ей даже показалось, что на коже, под кофтой, обязательно должен остаться след от его ладони... «Господи, стыд-то какой!» – с ужасом подумала она, глупо улыбаясь и моргая растерянно глазами, – «Никогда со мной такого не бывало! Аж дыхание пресеклось и лицо покраснело, наверное...»

В комнату уже входила мать, неся на большом, небывалой красоты синем блюде огромную жареную курицу, обложенную со всех сторон дольками румяной запеченной картошки и свежей зеленью.

– Ого, какая курица большая! – повела носом вслед за блюдом Олька и громко проглотила слюну, осторожно-испуганно взглянув на мать, все утро читавшей ей лекции о правилах хорошего тона. – Мам, ты чего? Что это с тобой?

– А что? – испуганно спросила Ксюша, хватаясь за щеки.

– Ты красная вся такая...

– Да я стесняюсь просто! Сейчас пройдет...

– Это не курица, Оля, – с досадой произнесла мать, пристраивая блюдо в центре накрытого посреди комнаты большого стола. – Это индейка...

– Индейка?! – округлила глаза Олька. – Никогда в жизни не ела индейку! Вкусно, наверное...

– Девочки, за стол! За стол! – легонько подтолкнул их Иван Ильич. – Зиночка, а где вино?

– Да они у меня совсем не пьют, Ваня! Я их в строгости воспитываю! – поглаживая Ксюшино плечо и умильно улыбаясь, проговорила мать.

– Так и я ж им водки не предлагаю! А настоящего грузинского вина за знакомство просто грех не выпить! Неси бутылку, Зин!

– Вань, ну оно ж дорогое...

– Что значит, дорогое? Не дороже гостей! Ты чего? К тебе ж дети пришли...

Мать нехотя достала из красивого бара бутылку «Киндзмараули», поставила на стол. Сняв фартук, села рядом с Иваном Ильичом, продолжая растягивать губы в приличествующей случаю улыбке. Ксюша вдруг остро, всей кожей почувствовала ее раздражение, сидела,

опустив плечи и с силой прижимая локти к бокам. Она всегда очень болезненно ощущала ее раздражение, оно выбивало своей плотной волной все мысли из головы, заставляло струной натягиваться мышцы, и в глотке сам собой появлялся твердый слезный столбик – ни подышать, ни поплакать...

– Ну что ж, за знакомство! – наливая в Ксюшин фужер вино, предложил Иван Ильич.

– Спасибо, мне не надо... – коротко взглянув на мать, пролепетала Ксюша.

– Что значит – не надо? – нарочито-громко произнес Иван Ильич. – А я говорю – надо! Ты знаешь, кто я такой? Я бывший генерал! И потому уж извини – привык командовать!

– Генерал?! – снова округлила глаза Оля, протягивая ему и свой фужер, – вот это да...

– Бывший, Оленька, бывший... Теперь вот одомашнился – хозяйку себе завел...

– А раньше что, не было хозяйки?

– Оля! – укоризненно дернула ее за рукав Ксюша. – Что ты говоришь...

– Жена моя умерла пять лет назад... Царствие ей небесное – святая была женщина! – помолчав, вдруг совсем грустно заговорил Иван Ильич. – Мы с дочкой вдвоем остались. А недавно она замуж выскочила – да не куда-нибудь, а в Бельгию! Представляете? Вот и жил я совсем один. Что ж делать... А теперь будем с вашей мамой вместе век доживать! Два одиночества – это уже веселее, чем одно, правда? Так за знакомство, девочки? Надеюсь, вы у нас теперь частыми гостями будете!

– Ага! – радостно закивала головой Оля. – У вас здесь так классно! Квартира – блеск! А машина тоже есть?

– Есть... – улыбаясь, чокнулся с ней Иван Ильич.

– И дача?!

– И дача...

– Вот это да-а-а... – восторженно протянула Оля, принимаясь за индейку. – Ой, как вкусно! А на дачу нам тоже можно будет приезжать?

– И даже нужно! – рассмеялся Иван Ильич, с удовольствием наблюдая, как она смачно облизывает свои пальцы. – Люблю искренних людей! Я и сам раньше таким был – куда теперь все подевалось, не знаю...

От выпитого вина Ксюша неожиданно осмелела – даже исчез из горла застрявший там поначалу слезный столбик, и решила таки еще раз взглянуть в эти хитрющие яркие глаза, вобрать в себя еще немного их синевы – пусть будет, останется на память яркое пятнышко в голове... Вдруг стало ей так хорошо от присутствия этого далеко не молодого, а для нее, наверное, уже и старого мужчины, что она снова испугалась, и снова быстро опустила глаза в тарелку с нетронутым куском индейки.

– Иван Ильич, а вы почему вино не пьете? – продолжала свой допрос Оля, наивно хлопая длинными ресницами и никак не реагируя на выразительные бабкины взгляды, направленные короткими яростными вспышками в ее сторону.

– Да мне нельзя, деточка... – развел руками Иван Ильич. – У меня ведь два инфаркта уже было. Теперь ни пить, ни курить – ничего нельзя! Я и дочке обещал, когда она уезжала...

– Понятно! – махнула на него рукой Оля. – Тогда налейте мне еще вина! Вкусное такое!

– Оля!!! – одновременно прикрикнули на нее мать и бабка.

– А что такого? Иван Ильич сам сказал – он таких, как я, любит! Не слышали, что ли?

– Да на здоровье, девочка! – со смехом наполнил он ее бокал. – И не ругайтесь на нее – она молодец! Такая, какая есть – не больше и не меньше! И добавки ей, Зиночка, положи! И салатик...

После обеда мать с гордостью продемонстрировала им свое новое жилище, хвасталась чудесами кухонной техники, ванной с «необыкновенными пузырьками» и даже новыми нарядами, которые успела прикупить себе в качестве подарка от нового мужа. Ксюша слушала ее равнодушно, вежливо кивая головой. Оля же, напротив, совала везде любопытный нос, выражая

свой восторг то короткими словечками в духе Элочки-людоедки – «ух» да «ах», то протяжным, на одном выдохе произнесенным – «кла-а-а-с-с-с...».

Вскоре Ксюша заметила, что мать уже на взводе, то есть из последних сил держит на лице улыбку гостеприимства, и засобиравшись домой, потащив за собой упирающуюся Ольку. Иван Ильич очень тепло распрощался с «девочками», взял с них обещание не забывать, заходить почаще. Перед уходом мать завернула им в целлофан остатки индейки, сунула Ксюше в сумку и, уже открыв дверь, вдруг с наигранной заботливостью произнесла:

– Ксюш, а ты чего это в кроссовках-то ходишь? Холодно же! Смотри, простудишься...

– Надо же, какая любящая мамочка! – возмущенно и зло прошипела Оля, как только они вышли из подъезда. – «Холодно же!» – передразнила она бабу. – Как будто не знает, что у тебя, кроме кроссовок, ничего и нет больше! Развыпендривалась, показушница хренова...

– Оля! Нельзя так о бабушке! – попыталась урезонить ее Ксюша. – Нехорошо это!

– А чего она... И вообще... Не многовато ли для нее будет?

– Что ты имеешь в виду? – насторожилась вдруг Ксюша.

– А то и имею! Не жирно ли для нашей бабушки в таких условиях жить? Мог бы себе кого и помоложе, и поприличнее найти... И нашлись бы, между прочим, желающие... И я бы, например, не отказалась! А что? Он совсем даже ничего дедушка... Если б еще и женился – так вообще в кайф...

– Да как тебе не стыдно! – напала со злостью на дочь Ксюша. – Что ты вообще несешь такое?! Замолчи сейчас же! Чтобы я никогда, слышишь, никогда от тебя этого не слышала! Дрянь! Да как ты посмела? Кто ты такая вообще?

– Мам, ты чего? – обиженно уставилась на нее Оля.

– Молчи, молчи лучше! – чуть не плакала Ксюша.

– Да чего ты кричишь на меня? Что, и пошутить нельзя, что ли? Еще и дрянью обозвала...

Ты же сроду так на меня не ругалась!

Олька, надув пухлые губы, обиженно отвернулась, замолчала. Так и не сказала ни слова, пока ехали на дребезжащем занудно на поворотах трамвае, сидела, отвернувшись к окну, рассматривала грустный и неуютный зимний город в подступающих серых сумерках. И никак не могла понять, что сердилась мать вовсе не на нее, а на саму себя, и кричала тоже на саму себя – впервые в жизни сорвалась и вслух накричала... И где ей было понять – молодая еще, глупая совсем...

* * *

Плывущие с неба снежинки аккуратно ложились на землю, на скамейку, на Витино старенькое байковое одеяло в голубую и белую клеточку, словно боясь поломать свою хрупкую изящную красоту, засыпали нежным рыхлым слоем дорожки в церковном скверике. Все кругом казалось белым и чистым, и на душе было светло после воскресной утренней службы. Так бы и сидела вечно на этой скамеечке в скверике и смотрела бы на эти плывущие с неба снежинки! Холодно только очень...

– Вить, ты не замерз? Может, домой уже пора?

– Да я ж холода давно уже не чувствую, Ксюш! Посидим еще немного, ладно? Так хорошо здесь...

– Вить, а я с тобой поговорить хотела... Посоветоваться, вернее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.